

Григорий Померанц

Записные книжки 70-х гг. с комментариями XXI века

5.VIII.70. Нет неплодотворных времен, есть неплодотворные люди. Распад Римской империи был очень плодотворным для Августина. Возможность открытого политического действия во Франции дала философии гораздо меньше, чем спертый воздух Германии около 1800 г.

Если бы события повернулись в духе чешской весны, было бы очень трудно сохранить тот уровень глубины, который сегодня – единственный, но которым можно дышать.

14.IX.70. Из всех традиций самая важная традиция свободы. В том числе свободы от всех традиций. Без этого все остальные как без соли. И если не хватает своей, то можно признать чужую. ☐Невозможно представить себе «Философию свободного духа» Бердяева, растущую из чисто русских корней. Я не могу представить своего духовного развития без освобождающих традиций Востока (ранние упанишады, Кришнамурти, дзэн) и без созерцания кризиса свободы на Западе. Свобода, потерявшая связь с глубиной, вырвавшаяся на поверхность, становится разрушительной, люциферической силой. А на последней глубине нет отдельных святых, есть только единая любовь, в которой и свобода, и ответственность, и мудрость, сами себе полагающие границы. – 28.09.03]

15.IX.70. Стремление к иконности – это дыхание внутреннего человека. Но как редко он дышит! ☐С годами – все чаще. Иконностью я называю общее качество искусства Рублева, Эль Греко, Баха и Божьего искусства в холмах Коктебеля и в Сосновке над озером Рица и в человеческих глазах, загорающихся внутренним огнем. Это след вечно живого огня любви, ставшей формой, краской, звуком, это Божий след в поступках. – 28.09.03].

19.IX.70. Ипостасное (или иконологическое) мышление парит над всеми формами ума, логическими и ассоциативными. Его формы тяготеют или к открытому ряду «неслиянных и нераздельных» природ или к троице. Но и то и другое – не дух, а только след духа! По отношению к этому духу философия, действительно, только служанка. ☐Ипостасное мышление мыслит целое, а логика связывает или различает осколки. Ассоциативное мышление художника приближается к порогу целого, но не переступает его, центр клубка ассоциаций – в том же мире осколков – 28.09.03].

11.X.70. Традиция не построена по законам Лапласа. Она вероятностна. В России более вероятен урядник, чем Сократ. Но если

Сократ рождается, никакая сила не сделает его урядником. Он или погибнет, или будет Сократом. Внутри необходимости всегда скрывается свобода, [возможности неожиданного внутреннего роста] и выбора противоположных путей, иногда одинаково вероятных, иногда менее вероятных, но всегда возможных, если по-настоящему захотеть. Среда заедает только тех, кто не заслуживает лучшего. На худой конец, можно, как это сделал Катон, выбрать смерть и своей смертью продлить традицию, от которой отвернулись боги. И бросить нить, через головы веков, в другое время, которое подхватит ее.

Это крайний случай. До него редко доходит дело. Но люди живут по-разному и продолжают разные традиции. ^ЛВ одно и то же время диссиденты продолжали традицию свободы, обыватели – традицию рабства, жила традиция свободной мысли и топталась свободная мысль, писал свои картины Володя Казьмин и т.д. – 28.09.03].

14.X.70. Наш общий с Зиной афоризм:

Дьявол хочет власти, и потому в царстве дьявола все властители и рабы (З.).

Бог хочет воплотиться, и потому в царстве Бога все Бог, и Сын единосущ Отцу и от века пребывает в недрах Отчих (Г.).

Бог есть любовь, а дьявол есть власть. И власть – это дьявол, и потому какое противоречие в словах «нести власти еще не от Бога» (З.).

Но ведь и в самом деле, дьявол сотворен и власть сотворена, и всё от Бога, и всё должно быть понято в своей глубине... (Г.).

Власть должна быть просветлена любовью, и только тогда она справедлива, как Марфа, служащая любви, пока любовь еще не воцарилась всецело. Власть должна постоянно скидывать с себя царские одежды и отдавать их любви. Противопоставив себя любви, она вносит в мир дьявола и сама гибнет (З.).

Можно прибавить, что по большей части власть ближе к бесу, чем к благочестивой Марфе. Один раз в год византийский василевс умывал ноги нищим, а потом придавался суете и блуду.

8.XII.70. Если углубить любую великую доктрину, она где-то сойдется с другими. На последней глубине все веры, все нации, все личности сходятся, как ветки, сталкиваемые бурями, растут из одного ствола. Споры о символах и словах бесконечно далеки от Христа, от Будды, которых будто бы отстаивают.

≡Джайнизм пробивает стену головой, буддизм проходит между атомами. Тихое размышление тем больше проникает вглубь бытия, чем больше оно освобождается от захваченности своим усилием, от своего рода корысти ума, оставаясь в то же время бодрым и полным сил.

≡Буддизм отрицает обыденное я, поверхностное я, и в форме не-я (анатта) пробивает путь к глубинно личному, глубинно свободному. Христианство исходит из уже рожденной личности. Отсюда различия языка при сходстве сути. По сути буддизм сходится и со своим непосредственным наследником, адвайта-ведантой. Атман – положительное название отрицательного (по отношению к сансаре, к суете) бытия, глубокого бытия–небытия. ^ЛМожно прибавить, что у Будды была своя формула личности, опирающейся на глубину: кто видит меня, видит дхарму; кто видит дхарму, видит меня – 2.10.03].

13.XII.70. Буддизм – тихое размышление, уходящее вглубь бытия тем больше, чем меньше стремится к какой бы то ни было цели. Состояние внутренней полноты без всякой цели. В дзэн из этого растет готовое к прыжку действие.

Это состояние духа, совершенно совместимое с христианством. Мешает только слишком серьезное значение, которое придается словам и символам. ^ЛВелика ли сущностная разница между отрешенностью Экхарта и нирваной? Судзуки признавал Экхарта своим. – 28.09.03].

≡Мифопоэтическое мышление не умерло. Оно прошло несколько ступеней, создало несколько форм: идола, икону, сунский пейзаж – и может быть найдет новые формы. Но на каждой своей ступени мифы, открывающие глубину, противостоят подделкам, обманывающим массовое сознание.

Логико-постулятивное мышление разворачивает клубы ассоциаций в атомарные факты и связывает их в системы, ^Лпротивостоящие другим системам. – 28.09.03]. Ипостасное мышление сворачивает мир вновь. Его грамматика: единосущность, равночестность, неслиянность–нераздельность. Но логика не отменяется, у нее есть свое царство ^Ли иногда она помогает сердцу отличать Молоха от Христа, пробиваясь сквозь путаницу символов. – 28.09.03].

≡Хамдани (1098 – 1131) считал, что «вечное знание не сознает частных». ^ЛЭто, может быть, слишком резко. Не лучше ли сказать: витает над частностями? Но иной раз, по своей непостижимой воле, спускается в частности – и самодержавно присоединяется к меньшинству против большинства, нарушает привычки материи. Как, почему – для нас непонятно. И непонятно, как Бог страдает вместе со всякой тварью и не прекращает этого страдания, повсеместного, всеобщего – хотя вдруг, иногда, может спасти. Я верю Зине, что сердце Бога – во всем, что без пылинки живого Бог не был бы всецелым. Почему же не вмешивается Божий разум в наши мерзости? Из уважения к нашей свободе воли? Вопрос остается открытым. И кажется навечно открытым. – 28.09.03].

1.Ш.71. Мне приснился сон, что всякое частное знание неистинно. Запомнилась почему-то эстетика, но во сне прошли перед глазами и другие науки. Удивительна ясность видения. Я ощущал отвлеченную проблему так ясно, словно это был цветок.

Утром подумал: отдельные науки относятся к действительному знанию, как вспомогательные исторические дисциплины к истории. Но целостное знание истории остается чем-то вечно незавершенным...

18.Ш.71. Многие горячие сторонники внешних перемен кончают тем, что эмигрируют. Это как бы реализация метафоры, обнаружение внешнего пласта бытия, в котором они жили. ^ЛЖили во внешнем и внешне переместились. – 28.09.03]. Гораздо глубже внутренняя свобода. ^ЛДостойнее побеждать условия места и времени, чем бежать от них, впрочем – пока хватает сил.

Другое дело – если не хватит сил. Может быть, и мне не хватит. Но будем честными: эмиграция – это признание своего поражения. Я все еще, на свой тихий лад, борюсь с судьбой. И я думаю, что при очень больших физических силах мог бы выдержать сто лет. Или, по крайней мере, 20 лет. Если бы мне сейчас было 34... – 28.09.03].

21.Ш.71. Национализм Палиевского напоминает лагерный «сеанс». Он ставит перед собой (мысленно) образ еврея и (опять таки мысленно) пытается вызвать подобие страсти, с которой крымский татарин жаждет Крыма и ненавидит людей, не пускающих его в Крым.

23.Ш.71. Науки все время отказываются от тайны, не поддающейся анализу, во имя ясности и доказательности, отказываются от Истины в евангельском смысле, от целостной истины сердца, во имя множества полезных и интересных истин. С такой же неудержимостью отрекается от науки стремление к незримому целому. Но жизнь все время соединяет логически несовместимое. И в паузах «правильного», логически организованного текста, ^Лв его ритмическом подтексте – 2003] слышится невысказанное, таинственное, [цельное и] простое.

29.Ш.71. У ребенка есть чувство кожи, которое связывает с матерью или с няней ^Лили с любой женщиной, к которой «идут» дети, как к Ольге Шатуновской – 2003]. У африканских негров чувство кожи со всем своим родом и иногда до старости. Это не половое чувство, а что-то гораздо более широкое. Женщины и негры здесь «правильнее», чем интеллектуалы, ^Лдля которых «Другой – недопустимый скандал» – 2003]. Нелепо считать скрытыми лесбиянками подруг, обнимающих друг друга, или нежность матери с взрослой дочерью ^Ли в подобном же, но более редком отношении сына к матери находить эдипов комплекс, а в глубокой любви к собаке – неосознанное скотоложество – 2003). Рублев и Дионисий

рисуют святых жен как лепестки одного цветка – два, три лепестка, сросшиеся вместе. [Меня натолкнул на это Грэм Грин, заметивший, что молодые негры ходят, взяв друг друга за руки, но то, что у меня стало складываться, шире единичного наблюдения – 2003].

Когда половое желание связывает мужчину с женщиной, с которой у него нет и не возникает чувства кожи, то из этой связи ничего хорошего не выйдет. Удаются только те браки, в которых внезапно (как у Ромео и Джульетты) или постепенно, годами восстанавливается, воскресает детское чувство кожи. На нем они и держатся. Потому что половой порыв в узком смысле слова длится несколько минут и воспоминание о нем или предвкушение его [без разлитости в чувстве кожи] никогда не достаточен, чтобы помешать ссорам и разрыву. [Только чувство: наша любовь больше, чем то, о чем мы спорим. – 2003].

Когда говорят, что мужчина и женщина спят вместе, это не эвфемизм. Это гораздо более точное описание, чем мнимо точная терминология половой связи. Они спят вместе. У них возникает общее чувство кожи. В конце концов – такое же, как у детей, у которых половое чувство еще не проснулось. И оно остается на старости лет, когда половые порывы засыпают, поэтому в конце концов все равно, отчего возникло это чувство кожи. Участвовали в этом необычайные взрывы блаженства на вершине страсти или взрывов не было, а было постепенное тяготение всего существа, до его тончайших духовных сфер. В конце концов, возникает чувство духовной и в то же время эротической связи, союзу в духе и истине и в причастии «телу и крови» близости. И оставляет Адам отца и мать свою и прилепляется к жене своей и становятся единой плотью. Не на ночь, не на месяц, а на всю жизнь. [И это святой долг не потому, что он связан обрядом, а потому что Богом задано людям создать святое семейство, чтобы в нем росли дети, сознающие в себе образ Божий – 29.09.03].

Дополнение 2003 г. Перечитывая записную книжку, которую чуть не выкинул, я подумал, что есть другое имя у «чувства кожи», более глубокое: чувство утробы-сердца. Еще в утробе младенец ощущает, как бьется сердце матери, и как за живой утробой, объемлющей его, объемлет его еще одна, бесконечная утроба космоса и еще одна, выходящая за время и пространство, духовная утроба. Как об этом сказало в «Даодецзин», в прочтении какого-то китайского автора, имя которого я забыл: «Чрево (или утроба) таинственной кобылы – врата неба и земли». Младенец не обладает мудростью Лао, но он это чувствует.

И мать (или другая женщина, заменившая ребенку мать) – не просто женщина, а знак космической и святой защиты, и грудь, на которой

затихает одинаково мальчик и девочка, и юбка, за которую они хватаются, встав на ноги, – аватара огромной, бесконечно мощной и благой силы. В какой-то сказке дети, узнав о светопреставлении, бегут к матери. Добежать до матери! а там уже мать как-нибудь разберется.

По-своему они правы. Так Богом задумано. Хотя не всегда их подхватывают Божьи руки. Бог положил себе правило: соблюдать созданные им привычки, иначе все созданное развалится. Только изредка высшая воля находит щели в привычках материи и поддерживает невероятное. Но что бы ни выпало нам на долю, Бог вложил в каждое сердце волю создать святую пару, создать напряжение любви, в котором дети, вставая на свои ножки, находят перед глазами и в себе самих образ Божий. Как бы эти дети ни рождались, «животиком или сердцем», по выражению девочки, за развитием которой Зина следила.

Эта девочка уже в первые месяцы своей жизни, еще ничего не говоря, ликовала, как птица, отвечая солнцу, отвечая ласковому летнему ветру, приносившему запахи цветов. Ребенок, окруженный лаской природы, чувствует в ней (не сознавая словами) космическую утробу и скрытое за ней таинственное сердце. А через несколько лет может почувствовать и любовь, сотворившую мир. Как это передать в городе?

Примерно со школьного возраста мальчики начинают стыдиться телячьих нежностей. Вместе с нежностями рушится много живых связей, и с живой, и с незримой любовью. Представления о Боге, усвоенные на уровне слов, не могут этого заменить. Школу, сохраняющую в ребенке ребенка, помогая ему постепенно стать взрослым, можно только вообразить. Идеальную семью, с живым примером образа и подобия Божьего в родителях, – тоже трудно сыскать. Подростки дичают.

И вдруг возраст создает напряженное внимание к другому полу. Но оно совершенно разное у мальчиков и девочек. У девочек сохранилось чувство кожи, им хочется поцелуев и нежных ласк, а у мальчиков чувство кожи разрушено, возбуждаются только чресла, заставляют воображение рисовать сцены, которые к реальной девочке не прикладываются, стыдно приложить. И если сердце вдруг побеждает, приходит влюбленность, то «только утро любви хорошо, хороши только первые речи».

Надсону, написавшему эти строки, не приходило в голову, что он сам виноват в своих разочарованиях. Виновато и общество. Оно практически разрешало (и разрешает) грязным людям делиться своим грязным опытом, а чистый опыт считается тайной, ею как-то неудобно, неловко, не принято делиться. Героиня французского фильма «Дурная кровь» говорит мальчику, влюбленному в нее, что предпочитает пожилых мужчин. Остается в подтексте, почему: у них иногда возрождается опыт нежности,

а у мальчиков никакого. И молодая женщина не может научить своего молодого мужа, она сама не знает, чему учить. Редко у кого сорвется талантливая фраза, которую мне недавно пересказали: «Я не сковородка! Нельзя меня ставить прямо на огонь!»

В среднестатистическом случае все острые углы стираются, сглаживаются – но вместе с ними исчезает напряженность любви. Влюбленность уступает место дружбе двух «товарищей по постели» (так выразился один мой друг). По почему-то такие товарищества часто кончаются разводом. Трудно человеку отказаться от надежды на счастье. И опять «только утро любви хорошо...» А потом «одну и ту же спичку дважды не зажигают» (И.М.).

Но вот случай, нарушающий среднестатистическое. В конце войны офицер получил отпуск. Что-то у него начиналось с девушкой еще до войны, они оба заждались, встретившись – сразу бросились друг другу в объятия. Не замечали, когда день сменялся ночью, не вылезали из постели, полуодетые, что-то глотали – и опять под одеяло. И вдруг он с ужасом почувствовал, что ничего не может. Девушка еще готова была продолжать, а он выдохся. Пришлось пойти к врачу. Врач, выслушав, велел до конца отпуска жить, как брат с сестрой – иначе на всю жизнь можно стать импотентом. Перед отъездом не выдержали, но времени оставалось мало, до импотенции дело не дошло. А потом война отрезала продолжение. Офицер, с фронтовой лихостью, стоял возле танка, и немецкий бронебойный снаряд попал ему прямо в грудь.

В этой истории не было первых трудностей мальчиков и девочек, но сама удача оказалась трудным испытанием. Война, долгая разлука обострила напряжение и острее выступило то, что бывает повседневно, в стертых, смазанных формах. У французов сложилась поговорка: «самое трудное препятствие любви, когда не остается никаких препятствий». Потому что тогда нужна сдержанность. Только сдержанная страсть из крика становится песней, музыкой осязания. А кому сдерживаться? Если женщине, то мужчине стыдно ее просить, он ведь сильный пол. Между тем, в отношениях со зрелой женщиной сила желаний на ее стороне. Древние римляне даже подсчитали численное соотношение (2:5). Если женщина не беременна, не кормит, не мать двадцати детей, то в книге Иисуса сына Сирахова это называется бесплодным чревом. Биологически активность такого чрева оправдана, естественна: бесплодное чрево стремится зачать, мать семейства не добродетельнее, она просто ото всего этого устала, и ей не стыдно попросить мужчину сдержаться, – сил нет, спать хочется. А мужчине стыдно сказать, что завтра будет голова трещать, он ведь скорее всего не читал «Опыты» Монтеня, где приводятся

римские расчеты, он думает, что это его личная слабость. Как признаться в этом любимой женщине, объятия которой – счастье? Мне, во всяком случае, очень трудно было признаться Ире. Хотя именно после моего признания нам стало по-настоящему хорошо. И вернулось чувство вечного смысла каждого прикосновения. Как в день, когда глаза впервые все сказали друг другу.

Святой Силуан писал: «Кушать надо столько, чтобы потом хотелось молиться». Это не только про еду, а про всё. Екатерина Колышкина и Эд Дохерти после каждой брачной ночи ходили к причастию. И я думаю, сознание, что после ночи будет священное утро, придавало свою священную форму и ночи. Обряд любви, – если это действительно обряд, причастие любви, – так же не требует немедленного повторения, как церковный обряд. Он один надолго.

Так же долго впечатление от музыки осязания, откуда бы она ни взялась, как бы ни родилась. Сохранилось письмо Шопена Жорж Занд, посланное вместе с нотами ноктюрна. Ноктюрн передал звуками память только что проведенной ночи. И обе музыки были нагружены всем напряжением любви, как просфора – всей верой.

Напряжение любви, не ждущей и не жаждущей развязки, можно назвать любовным созерцанием, воскресающим подобием созерцания влюбленных.

По идее, чувственная развязка должна вырастать из созерцания и растворяться в нем. Тогда любящие созерцают друг в друге что-то большее, чем они сами.

Индийская традиция признает совершенную любовь мужчины и женщины одним из путей к Богу, путем к вселенской Любви через земное ее воплощение. Но это не единственный путь к счастью, как в современном безбожии, и не единственный путь к переживанию утробы сердца, охватывающей вселенную. Путь много, и ищущий святости должен найти свой. Для пути любви нужен дар нежности, для пути аскета – дар суровой воли. Незачем мучить себя по чужому подобию. Святая семья так же нужна в хозяйстве Бога, как святое одиночество старца, сохраняющее свой смысл и рядом с семьей, и после семьи, как это было в обычаях брахманов, – или в другом порядке, когда после юношеской аскезы человек созревает для отдачи себя в любви (таким мог быть путь Мертона, если бы ему не помешали обеты). Я думаю, вместе с Рютер (корреспонденткой Мертона), что «одиночество и отрешенность должны стать не пожизненной профессией, а частью общего большего ритма жизни». И не только думаю: я пережил лагерную отрешенность, прежде чем созрел для любви [2003].

20.V.71. Дао – образ Бога в природе. Будда и Христос – образы людей, наполненных той же незримой силой. И сила эта, на человеческом языке – Любовь (ред. 2003).

2.VII.71. Дело не в нравственном мужестве, В.М. – человек отличного мужества (о М.З. и говорить нечего). Тут иное. Тут две разные ситуации, обе требующие мужества, но по-разному. В одном случае ясно, что делать. Может быть успех, может быть катастрофа, но довольно и того, что успех возможен и принципы ясны. Такая ситуация влечет к себе людей вроде В.М., прямолинейного, как стрела. А я что-то теряю. В другом случае совершенно неясно, что делать. Тупик, бездна. И меня тянет к этому. Меня всю жизнь влекли к себе неразрешимые вопросы, безнадежные ситуации. Не из чувства долга, а просто так. Может быть, потому что такие ситуации обнажают основное в бытии и помогают видеть в изломах будничного – вечное. И мне будет жаль, если события вытолкнут меня из омута. У меня есть жабры, я как-то дышу в омутах. Но события выталкивают и могут вытолкнуть. И потому от сумы (на этот раз дорожной) и от тюрьмы не зарекайся...

30.VIII.71. Я показывал гостям, как красиво горит костер, и испытал чувство кощунства. Как если бы пригласил любоваться изяществом линий иконы. Костер для меня – икона. Образ внутреннего пламени. Так я, ты, он должны вспыхнуть. Образ внутреннего горения, безвозвратной жертвы. Где-то по соседству с костром – проповедь Экхарта («ибо сильна как смерть любовь»); пляска Шивы на развалинах вселенной; образ Иры в пламени, явившейся мне после похорон...

12.X.71. Когда культура расшатывается, остаются крайности: Бог и йеху. Достаточно следа молитвенного усилия, чтобы не становиться на четвереньки. Но сейчас иногда кажется, что и след простыл.

17.X.71. Жизнь человека – это прощанье с временем и нарастающее прикосновение к вечности. Как в прощании с мостами у Тикамацу и в письме Фумико у Кавабаты.

Обычный образ вечности – камень на могиле или вершины гор. Камень долговечнее человека, но он вовсе не вечен. Он весь во времени, очень долгом, но только времени. А жизнь может быть мимолетной, как выюнок, как бабочка, но в ней всегда есть прикосновение к вечности, победа над вечной смертью скал. И человек способен осознать свою «природу Будды», созерцая, как ветер сдувает цветок сливы...

19.X.71. На краю бездны человеческое приобретает новую ценность: отдыха на пути в Египет...

13.XI.71. Вересаевское недоумение перед Пушкиным в двух планах может быть истолковано как чередование реакций внутреннего и внешнего

человека, на глубинном и на поверхностном уровне. Первое движение сердца вовсе не всегда самое благородное. У Пушкина бурная реакция «внешнего» человека часто заслоняла внутреннего. И по горячим следам Пушкин писал эпиграммы (и вызовы на дуэль), а не лучшие свои стихи. А потом, в тишине, начинал звучать внутренний голос и Пушкин писал «Я помню чудное мгновенье...»

Страсти бывают и поэтическими, и похабными. Никаких гарантий поэтичности первого отклика нет. Но и обратно: нет никаких гарантий, что страстное годится только в корзину. Лермонтов почти все писал страстно. И все же лучшее и у него – от тихих минут («Выхожу один я на дорогу»)

В больших сочинениях, в целом глубоких, прорывается вдруг эпиграмма:

...и хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Здесь всё – с точностью до наоборот и подчеркивает, что некоторые частности в поэте нельзя принимать всерьез, что они – дань стилю (покойный царь тогда Россией со славой правил...). И вся эта двойная ирония в тексте, дух которой совершенно строго возвышенный. А в «Гаврилиаде» с пера гения нечаянно соскочило несколько прекрасных стихов.

≡Перерывы постепенности. Видимые неудачи: как дырки в пространствах иконы. Перерывы, в которых обнаруживается непрерывность Бога. Перерывы движения по поверхности, чтобы виден был центр колеса. И обратно к ободу – но уже зная центр.

Новое время устремилось к непрерывности внешнего и замыкает внешнее в огромные замкнутые системы. ⁴А у Достоевского снова дырки и в них что-то выглядывает с того света. – 1.10.03]. [Что эти дырки, разрушавшие реализм, реальны, показал XX век. – 1.10.03].

18.XI. 2,5 тысячи лет мифы были коллективными и через них пробивалась индивидуальная философская мысль. Сейчас царят коллективные наукообразные стереотипы и через них пробивается индивидуальное мифотворчество. Достоевский только начал это...

Личностное мышление, как правило, выбирает форму, противоположную массовой, стереотипной. Но у гения эта противоположность не становится новым стереотипом.

5.XII.71. Крест – тоже коан. Тот самый единственный коан, в который надо вдумываться всю жизнь. Франциск, углубившийся в созерцание креста до стигматов, так же решал свой коан, как роси Хакуин.

7.XII.71. Закончился ли процесс сапиентизации? Может быть, следующий шаг – обожение, просветление, преображение. И то, что донесли до нас христианская и буддийская традиции, – это первые крики Нового Адама.

7.XII.71. Мы как в вагоне, движемся в пропасть. Надо вспомнить, где тормоз, но никто не в силах сосредоточиться.

10.XII.71. Если бы Иисус пришел не в Иудею, а Будда – не в Индию, если бы они явились скифам и сарматам – их бы не узнали и никто бы их сейчас не помнил. Слову должно предшествовать томление. Хотя бы нескольких учеников.

Удивляются, что Иудея не приняла Христа, Индия отвергла Будду. Надо удивляться другому – что за ними пошли толпы учеников. Сейчас этих толп нет, толпятся – на стадионах.

12.XII.71. Ипостаси – образы духовной плоти. Переходя от одной к другой, медитация будит отклик, как нежность будит женщину, пока не откликнется. И тогда во время входит вечность и внутренний человек подает свой голос и шевелится в чреве Новый Адам.

16.XII.71. Каждый коан – загадка, заданная внешнему человеку, и все они об одном, о тайне внутреннего. Как может царствие Божие – и сам Бог – оказаться внутри нас? Как это Атман един с Брахманом? [И помраченное сознание – только оболочка этого ореха? – 2003].

16.XII.71. Иногда охватывает чувство покаяния перед внутренним человеком. Я так часто заставлял его задыхаться под своими тяжелыми мыслями, под пластами старой грязи, наросшей в душе.

Наверное, это покаяние – одна из первых заповедей [для тех, кто почувствовал в себе внутреннего человека. – 1.10.03].

17.XII.71. Глядеть в суть вещей и не пытаться удержать падающих листьев...

18.XII.71. Я преклоняюсь перед душевной энергией Солженицына. Но она часто устремляется на внешнее, а не к собственной глубине. В первых рассказах, в «Раковом корпусе» господствовало открытие глубины, того, что меня больше всего волнует: соединение силы с нежностью. Есть желание тишины и нежности, но слишком много вещей вызывает ярость, пену на губах – и от тишины и нежности ничего не остается.

18.XII.71. Бог не может не идти на распятие. То, что Иисуса распяли, сперва не казалось ученикам самым главным, и символом христиан была рыба. Но постепенно крест вышел на первое место. Дело очевидно не в

факте (факт ученики знали с самого начала и чувствовали острее потомков). Распятие дало толчок подсознанию, и из него вырос миф. Целостность бытия влезает только в миф. Множественное рвет единое на части, как менады – Орфея, распинает его, как Христа. Бог отдает себя на растерзание, и на этом держится вся игра деталей, прелесть и блеск мира. Праджапати приносит себя в жертву самому себе, и возникает вселенная.

19.XII.71. Борьба со злом. Но не до того, чтобы разбить зеркало тишины: в него смотрится Бог. Без его отражения зло поселится в самом тебе.

Чтобы не повредить зеркала, приходится оставлять зло недобитым, недокорчеванным.

Может быть, поэтому и Бог оставляет зло в мире, не выдергивает всех корешков зла. Выкорчевать все без остатка – идея дьявола, идея «окончательного решения...» [Окончательное решение всех проблем жизни – смерть. – 1.10.03].

3.I.72. Ночью у меня было видение: множество, может быть тысяча, рыжих тигриных морд, обступивших меня со всех сторон. И это был лик дьявола. Я тут очень ощутил силу дьявола. А Бог – это тишина. Дьявол одерживает победы. А Бог не побеждает, он терпит поражения, его распинают, но от поражений он становится (как Мышкин от пощечины Гани) еще тише, еще вездесущее и еще мощнее.

3.I.72. Почему С.А. считает, что достоинее подходить к Богу похристиански? Я способен здесь понять только одно: что-то таинственное, отразившееся в истории распятия, – самое главное в бытии. Мы постоянно распинаем в себе зародыш просветленного, внутреннего человека, агнца Божьего. Что-то об этом сказано во всех великих религиях. Но слова о распятии – самые сильные.

...И тогда прояснится, что внешнее поражение может быть внутренней – а потом и внешней – победой...

18.I.72. Зинин афоризм: «Когда народ поверит в Бога, Бог дает ему землю обетованную; когда народ поверит в землю обетованную, она выскальзывает из-под ног».

Это относится не только к евреям. Землей обетованной может быть и церковь, и многое другое. Принять то, на что упал свет, за сам свет, – начало идолопоклонства.

21.I.72. Есть много способов избежать трудностей любви, но в принципе все их можно свести к двум. Первый предложен исламом. Женщина закутывается в паранджу, все, способное вызвать чувственное раздражение, изгоняется из общественной жизни и заключается в гарем. А в гареме никаких препятствий для мужчины нет, и желание, легко

удовлетворенное, не нарушает покоя. Что касается женщины, то ее здесь не спрашивают.

Мужчина кажется в полном выигрыше. На самом деле, ограниченность женщины, неразвитость души рабыни, оказывается проигрышем и для хозяина. Ему нечего любить, [любить глубиной души], не в чем увидеть образ Божий, не во что выйти из самого себя [из своей мужественности]. Действительная любовь пробивается в этот мир украдкой, когда женщина, под образом внешнего рабства, оказывается внутренне свободной («Белянка» Низами и «Украшение дворца»). Но это такая же редкость, как найти на улице слиток золота.

Другой путь предложен современной модой. В парандже женщина упакована, как товар, который продан и ждет отправки хозяину. В современной раздежке он на витрине. Это гарем со днем открытых дверей и кинорекламой. В обоих случаях мужчина привлекается к заду и другим округлостям, распалляющим чувственность. Паранджа даже духовнее: она до поры, до времени выставляет глаза. В обоих случаях внутренний человек (и в мужчине, и в женщине) распят и раздавлен.

В противоположность этому, Рильке говорит о грузе пола, который мужчины и женщины вместе должны научиться нести. Человек здесь интуитивно берется как внутренний, внутреннейший, духовный, на котором плоть – одежда, на одном отцовская, на другом материнская одежда, которая не проклинается, не иссушается, а просветляется любовью, так что она становится совершенно прозрачной:

О одеяние, скрытое под наготою!

О нагота, постоянно одетая в свет!

21.I.72. В любви все на служении друг другу, и мужчина отдается женщине может быть больше, чем она – ему, именно потому, что он внешне активен [и значит меньше возможностей остается для созерцания любви. – 2003]. Но в каждую секунду близости он прислушивается к любимой и думает о том, что чувствует она, больше, чем о себе. Иначе плоть победила любовь, иначе выходит та потеря себя в полной близости, о которой писала Марина Цветаева.

Я это инстинктивно, каким-то поворотом генов чувствовал и не мог прикоснуться к женщине для собственного удовольствия; хотя много раз переживал это в воображении и эротические образы с 15 лет толпились у меня в голове. Мне было очень трудно. Меня мучило всё то, что обыкновенно мучает мальчиков лет с 15-ти. Но как только я оказывался в обществе девушки, которая могла бы удовлетворить мое желание и возможно даже хотела этого, – хотела игры в любовь, которая этим бы

кончилась, – я решительно терял свою воображаемую агрессивность. И несколько раз в жизни я разыгрывал сцену Иосифа с женой Пентефия. ^ЛЯ не мог играть в любовь, которой не было, и не мог прикоснуться к женщине без любви. – 2003]. Зато в браке по любви я был очень счастлив. До переживаний, которые даже в книжках редко описываются.

[Может быть, стыдно об этом говорить, но нужен, в конце концов, современный пример в духе старых книг, а то современная пошлость все поглотит. Я не переставал чувствовать сердца любимой, не переставал сердцем думать о ней, как о духовном существе, «когда не думает никто» и обнажает перед женщиной «звериный оскал тигра» (Цветаева). И потому любовь моя не изнашивалась, не глохла вместе с кипением крови]. Глядя, как разваливаются вокруг браки и как несчастны люди, жившие «как все», я думаю, что все они отклонились от нормы, а я просто на просто нормален. Хотя прибился к своей норме годам к 35.

27.I.72. Китайская цивилизация – единственная, в которой вершина священного – туманное Дао и нельзя обращаться к ней как возлюбленному, чье место небесного жениха занял водопад и кривая сосна в тумане. Рост вкуса к китайской ^Ли японской] живописи говорит, может быть, о бессознательном разочаровании в десакрализованном сексе и заодно в эротических образах священного. Последнее уже лишне. Бог может присутствовать в объятиях мужчины и женщины не меньше, чем в церкви.

14.III.72. В болезни я как-то взглянул на мир глазами Бога и почувствовал, что одни дети его радуют. Из взрослых – очень немногие. Если Бог не разрушает неудавшегося мира, то больше всего – из-за детей.

Сорадоваться Богу в Его творении – это долг, который дети бессознательно выполняют. А мы, взрослые, за редкими исключениями, не выполняем и придумываем вместо этого путанные теории.

Христианство без «языческой» радости, без ликования ангелов моцартовской мессы – не та вера, которую исповедовал Христос. Религия слез – такая же односторонность, как религия без слез. О слезах и радости хорошо говорит хромоножка, в «Бесах»...

19.III.72. Все равно, с чего начинать – с гимна брату солнцу и потом к стигматам или от слез к радости. Детская душа начинает с радости, грешная – со слез. Но неизменно должны слиться радость и слезы – и тогда придет третья: содействие. Как Михаил и Павел содействуют Спасу в звенигородском чине.

Внутренний человек знает – смутно или ясно, но знает – светлую тайну священного, ^Лтайну любви – 2003]. Не знает путей ее, не исследует

ее глубины, но знает: сорадоваться, сострадать, содействовать, [идти по Божьему следу. – 2003].

8.IV.72. Интересно, как герои Солженицына в «Августе» не замечают, что победа над Наполеоном принесла военные поселения, а поражение под Севастополем – отмену крепостного права. И почему сдача Севастополя больший позор, чем сохранение до 1861 г. крещеной собственности? И сдача Порт-Артура больший позор, чем столыпинский галстук или дело Бейлиса? И почему нельзя желать меньшего позора, военного, чтобы спастись от большего?

Добро бы один Воротынцев так думал (кадровый военный, кто о чем – он про свое), но ведь и Варсонофий премудрый его поддерживает и все положительные герои. Как будто война в самом деле шла за то, чтобы «сломить хребет России» – а не за то, чтобы все три столкнувшиеся империи погибли, потому что настал им срок, и настал срок европейскому преобладанию в мире, и европейцы обречены были в бессмысленной бойне сбить друг с друга спесь, накопленную в XIX в., и проложить дорогу «цветным».

В «Августе» удивительно не чувствуется густой запах абсурда, нависший над полями битв. Почему? Потому что про абсурдность мировой войны говорил Ленин? И нельзя допустить, чтобы Ленин хоть в чем-то был прав? А как быть с Ремарком, Олдингтоном, Хемингуэем? Или они тоже большевики?

9.IV.72. Если Солженицын любит генерала Самсонова и заставляет читателя любить его (главы о смерти Самсонова – лучшее, что есть в «Августе»), – то неудивительно, что народ любит генералиссимуса Сталина. Самсонов не сумел разбить немцев, а Сталин сумел, и Пруссию отрезал, и Берлин взял. Правда, Самсонов был безвреден для русской культуры, а каниебалиссимус ее почти ликвидировал (и этим, между прочим, «пробил хребет» русской нации, а не сдачей нескольких территорий и взятием их обратно). Но народ часто видит славу своей нации в громе военных побед...

9.IV.72. Россия всегда не только Россия. Это империя, которой правят русские плюс еще кто-то. Плюс татары, плюс немцы, плюс евреи (1917 – 1927). А потом антинемецкие и антиеврейские чувства. Борьба с самим собой – имперским как с Другим. И признания Другого как матушки Екатерины и отца и учителя Сталина. Что здесь – порыв к самому себе, к собственной почве? И что – попытка уйти от самого себя, вселиться в семипудовую купчиху и поверить во все, что она верит?

16.IV.72. Чувство, заставившее Солженицына зарыться в рязанскую деревню, можно понять. Но мысль не обязательно должна следовать за

чувством. Остатки русской деревни дали материал для нескольких хороших повестей, но сами эти повести говорят, что в деревне мало что осталось. Даже если встать на точку зрения этнографа, которому всякое лыко в строку, то гораздо меньше, чем в Африке. [Надо собрать то, что осталось, вдумываться в него, но основной корпус русской культуры XIX–XX вв. очень мало этнографичен. – 2003]. Русская культура строится не так, как украинская, в ней основное место занимает взятое в Европе и приспособленное к себе европейское, [т.е. сплетенный из европейских нитей русскоевропейский ковер. – 2003]. Россия – мировая нация, расположенная между Европой и Китаем, может стать полем битвы мировых сил или мостом между ними, но она не может выключиться из исторического водоворота и превратиться в подобие Испании (с катаньем на тройках вместо боя быков).

Без попытки решать по-своему всемирные вопросы, Россия и в национальном смысле, с национальной точки зрения не состоится. Я говорю, конечно, не о вмешательстве в чужие дела, а о вселенской боли, вселенской заботе.

Возрождение русской культуры невозможно без «всемирной отзывчивости», открытости к тому, чем дышит весь мир. А национальное своеобразие само собой выйдет. [Я не стараюсь быть оригинальным, стараюсь просто сказать свою правду, всю правду, какая видна с моей точки зрения. И национальная культура так же. Свой угол зрения нам почти что задан, но интересен он другим только тогда, если вы со своей точки зрения увидели другого так, как он сам себя не увидел. – 2003]. Думайте о Боге, пишите по-русски, и без всяких лишних и ненужных завитушек получится продолжение традиций, о которых вы заботитесь. Живите глубже, свободнее – вот самая важная традиция. И ее надо искать в себе самом, где бы вы ни жили, в деревне или в городе.

24.IV.72. Деревья всегда были торжественны, как на похоронах. Они останутся, наверное, и тогда, если мы все исчезнем, [если, конечно, мы не сотворим «атомную ночь». – 2003].

24.IV.72. Отношение русской иконописи XV в. или русской литературы XIX в. к русской истории примерно такое же, как у Библии к истории евреев. История не очень хорошая, гораздо поучительнее история греков и римлян, англичан и французов. Но неудавшаяся цивилизация, неумень устроиться на земле дают иногда огромный духовный отклик. И этот отклик золотит прошлое, которое само по себе совсем не золотое.

1.VI.72. Инцидент в израильском аэропорту. Три японца (из крайне левых) открыли пальбу по пассажирам, перебили или перекалечили около ста человек (главным образом паломников), сами погибли. Еще одно

доказательство, что нельзя решить еврейский вопрос отдельно от всех других вопросов. Пока мир безумен, не может быть покоя на Ближнем Востоке. И пока мир безумен, надо лечить мир в целом. Местные решения – паллиативы, временки. Я не говорю, что они не нужны. Симптомы болезни надо снимать. Но судьба евреев неотделима от судьбы [средиземноморской] цивилизации, всей цивилизации. А цивилизация вся больна.

Поэтому реконструкция Иерусалима, даже очень успешная, меня слабо утешает. Когда человек тяжело, может быть, смертельно болен, нелепо вкладывать все силы в лечение пальца и с блеском вылечить его – накануне инфаркта. Национальный очаг, построенный на краю порохового погреба, взлетит в воздух, если в погребе будут курить и жечь костры. И все равно, где жить: в Москве или в Тель-Авиве. Главная задача всюду одна, чтобы мир в целом перестал быть пороховым погребом...

Почвенничество об этом забывает. Всякое почвенничество – и русское, и еврейское. Оно предоставляет миру катиться по наклонной плоскости и занимается своими делами. На первый взгляд очень просто, понятно, сближает интеллигенцию с массами и т.п. Массы дальше собственного носа не видят и другого не поймут. А потом – le déluge.

Те, кто хотят смерти, уже солидарны:

Пусть земле под ножами попомнится,
Кого хотела опошлить!..

А те, кто хотят жизни, восстанавливают каждый свое гнездо. Так может победить только смерть.

Судьба человечества на совести интеллигенции. Нельзя ничего спрашивать с Иванов Денисовичей. Они не ведают, что творят. Но интеллигенция должна сорвать покров святости со слов, которые оправдывают насилие. Раньше это было слово «вера», потом «класс», а сейчас все больше нация: национально-освободительный фронт, национально-освободительное движение и т.п. И раз национально-освободительное, то стреляют, куда попало. История все спишет и сделает тебя героем.

Может быть, когда-то все эти слова, окруженные нимбами, были нужны. Но сейчас они убийственны. Сейчас интеллигенция призвана внести в мир сознание того, что есть (в понимании Кришнамурти), Сущего, помимо всех разъединяющих символов...

21.VI.72. Status quo включает в нашей стране чтение того, что интересно (была бы энергия доставать и читать; даже в Бузулуке читают Вл. Соловьева), обмен мыслями (были бы мысли), помощь товарищам

(была бы охота). Это положение, вероятно, удастся сохранить (при каких-то усилиях и жертвах). Но нелепо бороться за свободу уличных шествий в столице страны, 50% которой не принадлежит к господствующей нации. Подавляющее большинство русского народа не хочет большего самоопределения окраин и охотно мирится с ограничениями свободы, без которой нынешняя ситуация невыносима. И пока это так, остается жить при нынешнем уровне внешней свободы и в этих условиях делать то, что вообще нужно: искать внутреннюю свободу. Это во всяком случае пригодится. И если история будет иметь разумное продолжение, и если она прекратится или прыгнет совсем неожиданно в сторону.

Во внешнем – никаких перспектив. Только оборона, сохранение того, что стало привычкой, потребностью. Экспансия ближайших десятилетий возможна только в одном направлении: внутрь.

23.VI.72. Когда Петр Григорьевич Григоренко начал борьбу за права человека, его поддержало два народа: крымских татар и немцев Поволжья. Татарам хотелось в Крым, немцам – не знаю куда... Остальным никуда не хотелось. Единственная форма народного движения, которое сегодня то тлеет, то вспыхивает, это столкновения русских с нерусскими, армян с азербайджанцами, узбеков с таджиками и т.п. Вплоть до споров эрзя лесных с эрзя луговыми. Во всем этом я могу участвовать только как санитар в сумасшедшем доме.

16.VII.72. Хотя бы краешек внешней свободы и свет, свет радости или свет страдания, все равно. Свет жизни.

Оставаться больно и уезжать больно. Что бы ни делать – больно и будет еще больнее. От этого не уйдешь, как от возраста. И остается вспомнить Блайса: дзэн не про то, как выигрывать, а что все равно, выигрывать или проигрывать.

22.VII.72. Куда можно уехать от светопреставления? И где от него отсидеться?

Конец первой записной книжки.